Придерживаясь взглядов Р.Ф. Касаткиной и Д.М. Савинова, мы считаем, что новоселковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье в елецких говорах могло развиться из архаического яканья. Елецкие говоры соседствуют с говорами, в которых наблюдается задонский архаический тип яканья [16]. Они также расположены сравнительно недалеко от Хлевенского района, где Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель были обнаружены говоры, в которых наблюдается первая ступень перехода от задонского архаического яканья к ассимилятивно-диссимилятивному [10, с. 295 – 309].

Хотелось бы отметить, что ученые рассматривают ассимиляцию как проявление вокальной гармонии. По мнению Л.Э. Калнынь, каждое изменение, происходящее в пределах звуковой последовательности, имеет своей целью произносительное удобство – фонетическое изменение в принципе не может стремиться к затруднению произношения. Она сформулировала преобладающую тенденцию в фонетике русского языка и его диалектов следующим образом: «… в фонетическом слове программируются фонетические изменения, обусловленные контактной и дистактной связями между звуками» [8, с. 12]. Слово организуется преимущественно по правилам дистактных связей. Они могут иметь расподобляющий и уподобляющий характер. Случаи, когда предударный гласный полностью или частично уподобляется последующему гласному, Р.Ф. Пауфошима объясняет «стремлением говорящих к преодолению артикуляционных трудностей – при таком произношении несколько отдельных слогов образуют единую артикуляционную программу» [13, с. 43 – 47].

Литература

1. *Аванесов, Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. I / Р.И. Аванесов. – М., 1949.

2. *Бунин И.А.* Автобиографическая заметка / И.А. Бунин // Собр. соч. – М., 1967. – Т. 9. – С. 253 – 266.

3. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I. Фонетика. – М., 1986.

4. *Заусайлов, В.А.* Село Казаки Казацкой волости Елецкого уезда. Серия «Наше наследие» / В.А. Заусайлов. – Елец, 2008.

5. *Захарова, К.Ф.* Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М., 1970.

6. *Захарова, К.Ф.* Ассимилятивно-диссимилятивное яканье по данным «Атласа русских говоров к югу от Москвы» / К.Ф. Захарова // Русские говоры. – М., 1975. – С. 19 – 40.

7. *Захарова, К.Ф.* К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья / К.Ф. Захарова // Диалектологические исследования по русскому языку. – М., 1977. – С. 49 – 63.

8. *Калнынь, Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах / Л.Э. Калнынь. – М., 2001.

9. *Касаткина, Р.Ф.* Еще раз к истории развития ассимилятивно-диссимилятивного вокализма в южнорусских говорах / Р.Ф. Касаткина, Д.М. Савинов // Проблемы фонетики. – М., 2007. – Ч. V. – С. 395 – 407.

10. *Касаткина, Р.Ф.* Ассимилятивно-диссимилятивное аканье / Р.Ф. Касаткина, Е.В. Щигель // Проблемы фонетики / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М., 1995. – Ч. II. – С. 295 – 309.

11. *Колесниченко, А.К.* Говоры западной части Елецкого района Липецкой области (фонетика и морфология): автореф. дис. … канд. филол. наук / А.К. Колесниченко. – Армавир, 1955.

12. *Котков, С.И.* Говоры Орловской области со стороны их вокализма / С.И. Котков // Ученые записки Орловского пед. ин-та. – Орел, 1951. – Т. V. – Вып. 2.

13. Просодический строй русской речи / Институт русского языка РАН. – М., 1996.

14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф 1209. Поместный приказ. – Д. 132. – Л. 1 – 1847. 1628/30.

15. *Савинов, Д.М.* К вопросу о зависимости типов аканья и яканья от семифонемного вокализма / Д.М. Савинов // Материалы и исследования по русской диалектологии – М., 2008. – С. 182 – 191.

16. *Фомина Т.Г.* Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа (по экспериментальным данным): автореф. дис. … канд. филол. наук / Т.Г. Фомина. – Саратов, 1980.

УДК 168.522

Н.В. Володина

Л.С. ВЫГОТСКИЙ О РОЛИ КРИТИКИ В ВОСПРИЯТИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья рассматривает проблему «участия» критики в восприятии литературного произведения на материале работ Л.С. Выготского. Оценка критики в аспекте психологии искусства позволяет ученому выявить новые возможности этого научно-художественного дискурса.

Литературная критика, Л.С. Выготский, психология искусства.

The article considers the problem of criticism “participation” in the perception of a literary work based on L.S. Vygotskiy’s works.The evaluation of criticism in the aspect of art psychology allows a researcher to reveal the new possibilities of this scientific fictional discourse.

Literary criticism, L.S.Vygotskiy, art psychology.

Вопрос о назначении и возможностях литературной критики, казалось бы, давно решен литературоведением и зафиксирован в словарных дефинициях. Приведем в качестве примера одну из них: «Критика

литературная – вид литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, а также явлений жизни, в нем отраженных» [1, с. 169]. Вместе с тем, это традиционное определение потенциально содержит в себе множество проблем, которые выходят за рамки подобного объяснения: каковы критерии «правильности», адекватности истолкования произведения тем или иным критиком? Что является для читателя побудительным мотивом для обращения к критике? Каков эффект ее воздействия? и т.д. В осмыслении подобных вопросов, очевидно, необходимо учитывать не только собственно литературоведческий дискурс: работы теоретиков и историков литературы и самих литературных критиков, – но и общенаучный: философский, культурологический, психологический. В этом контексте будет полезным обращение к работам замечательного русского ученого Л.С. Выготского. Литературная критика не является непосредственным предметом исследования Л.С. Выготского. Вместе с тем в его программном труде «Психология искусства» (1925) она оказывается включена в контекст его рассуждений о практическом и воспитательном значении искусства, психологии художественного творчества. Такого рода методологический подход позволяет ученому дать новое объяснение наиболее сложным вопросам теории критики, начиная с вопроса о самой необходимости подобного способа осмысления искусства. Главное назначение критики Выготский формулирует следующим образом: «Она дает известное воспитательное направление его действию, и, сама не имея силы вмешиваться в его основной эффект, она становится между этим эффектом искусства как такового и между теми поступками, в которых этот эффект должен разрешиться» [2, с. 323]. С точки зрения ученого, критика «не имеет вовсе задачи и цели истолкования художественного произведения, она не заключает в себе и моментов подготовки зрителя или читателя к восприятию художественного произведения» [2, с. 323]. «Можно прямо сказать, – заключает он, – что никто еще не стал читать иначе какого-нибудь писателя, после того, что начитался о нем критиков» [2, с. 323].

Существенное отличие трактовки критики Веселовским заключается в том, что он рассматривает ее роль не как пропедевтическую, но, условно говоря, корректирующую, направляющую читательское восприятие. Речь идет о роли критики в аспекте ее психологических возможностей. Главным адресатом критики в этом случае является читатель (традиционно – писатель и читатель). «Можно сказать, пишет ученый, – что с психологической точки зрения роль критики сводится к организации последствий искусства» [2, с. 323]. Последствиями искусства для него являются образ мысли и поведение человека как нечто цельное: «…поведение наше организуется по принципу единства, и единство это осуществляется главным образом через наше сознание, в котором непременно должно быть представлено всякое ищущее выхода волнение» [2, с. 324]. При этом очевидно, что без объяснения самого произведения критик обойтись не может, ибо он не в силах предугадать читательскую реакцию, по крайней мере, – разнообразие этих реакций.

Как справедливо отмечает Выготский, «художественное произведение действует совершенно поразному на разных людей и может привести к совершенно различным результатам и последствиям» [2, с. 324]. Аналогичные рассуждения можно найти и в самой критике, которая всегда говорит о роли читателя, разных его типах, в том числе, – читателях, ожидающих от литературы только развлечения и удовольствия. Один из таких «персонажей» изображен В.Г. Белинским: «…представьте себе человека обеспеченного, может быть, богатого; он сейчас пообедал сладко, со вкусом (повар у него прекрасный), уселся в спокойных вольтеровских креслах с чашкою кофе, перед пылающим камином, тепло и хорошо ему, чувство благосостояния делает его веселым, – и вот берет он книгу, лениво переворачивает ее листы, – и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезает с румяных губ, он взволнован, встревожен, раздосадован… И есть от чего! Книга говорит ему, что не все на свете живут так хорошо, как он, что есть *углы*, где под лохмотьями дрожит от холоду целое семейство, может быть, недавно еще знавшее довольство, что есть на свете люди, рождением, судьбою обреченные на нищету, что последняя копейка идет на зелено вино не всегда от праздности и лени, но и от отчаяния… И нашему счастливцу неловко, как будто совестно своего комфорта… А виновата все скверная книга:…Прочь ее!» [3, с. 355]. Очевидно, что перед нами читатель-сибарит, абсолютно равнодушный к острым социальным проблемам времени. Однако, как показывает Белинский, даже у такого читателя, у которого книга вызывает лишь чувство раздражения, на бессознательном уровне, оно может быть спровоцировано невольным упреком самому себе. Разумеется, критик, как и писатель, рассчитывает, прежде всего, на читателя, который ему сочувствует, понимает степень важности вопросов, о которых идет речь. Именно в этом случае критик может быть, как писал Выготский, «той организующей силой, которая является и вступает в действие, когда искусство уже отторжествовало свою победу над человеческой душой и когда эта душа ищет толчка и направления для своего действия» [2, с. 323].

Что же все-таки может разъяснить критик? Согласно логике Выготского, в первую очередь, – «общественные корни» искусства, «ту жизненную социальную связь, которая существует между фактом искусства и общими фактами жизни» [2, с. 323]. По сути, Выготский формулирует задачу того типа критики, которую принято называть «публицистической». Эта критика возникла в России в первой трети XIX века и в дальнейшем сохраняла свое место и значение в русском литературном процессе и в общественном сознании. Это критика декабристов, позднего Белинского (1840-х гг.), шестидесятников (Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Д. Писарев, др.), народников (П. Ткачев, П. Лавров), марксистов (В. Ленин, Г. Плеханов, А. Луначарский); критика журнала «Современник» под редакцией А. Твардов-

ского (Ю. Буртин, И. Дедков, др.) и т.д. Действительно, каждый из них по-своему «переводил» факт искусства в сферу действительности; именно там искал объяснение этике, психологии и поведению героев; анализировал саму эту действительность, прежде всего, в аспекте ее социального содержания. Главным завоеванием такого типа критики, очевидно, и является формирование общественного мнения и гражданского самосознания отдельного человека, его способности к активному социальному действию. Так, В.Г. Белинский, анализируя творчество писателей натуральной школы, в многочисленных рассуждениях «по поводу» развивает идеи гуманности и демократизации, защиты прав человека и уважения к народу (крестьянство, разночинцы). Приведем конкретный пример. В «Письме к Н.В. Гоголю», одном из самых резких произведений демократической печати, поводом для появления которого стали «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, Белинский дает обличительную характеристику современного состояния страны, где «люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [4, с. 282]. И хотя «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвали абсолютное неприятие Белинского, подобная характеристика могла быть экстраполирована читателем как на многие произведения Гоголя, так и на творчество других писателей, изображавших подобную социальную картину жизни общества. Аналог между литературой и действительностью, неизбежно возникающий в читательском сознании, и был тем катализатором гражданских чувств и чувства гуманности, на которые рассчитывал и писатель, и критик.

Итак, рассматривая сквозь призму психологии восприятия искусства возможности критики, Выготский связывает эти возможности с тем, что реакцию человека на произведение искусства, чувства, которые он испытывают, можно с помощью критики перевести на язык логики, помочь уяснить ее самому себе, соотнести авторское изображение с реальностью. Вместе с тем Выготский видит и определенную опасность в абсолютизации такого объяснения произведения. «Стремясь найти общественный эквивалент данного литературного явления, – пишет он, – критика эта изменяет своей собственной природе, если не понимает, что дело не может ограничиться нахождением этого эквивалента и что социология должна не затворять двери перед эстетикой, а, напротив, настежь открывать их перед нею» [2, с. 325]. Поэтому он говорит о двойственности природы критики, которая «наполовину принадлежит эстетике, наполовину …общественная педагогика и публицистика» [2, с. 323].

Русская публицистическая критика, действительно, далеко не всегда учитывала эстетическую природу искусства. В статьях Чернышевского, Добролюбова, Писарева, в марксистской и социологической критике нередко исчезала та условная граница между литературой и жизнью, которая и позволяет воспринимать искусство не как «суррогат действительности» (Н.Г. Чернышевский), но как особый мир, существующий по своим законам. Непонимание этого позволило, например, талантливому критику Д.И. Писареву говорить о том, что «Пушкин – художник и больше ничего! Это значит, что Пушкин пользуется своею художественною виртуозностью как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия» [5, с. 376]. Очевидно, имея в виду подобный тип критики, Выготский писал: «…момент сохранения художественного впечатления всегда сознавался теоретиками как момент решающей важности для критики, но игнорированием его всегда грешила на деле наша критика. Она подходила к искусству так, как к парламентской речи, как к факту внеэстетическому, она ставила своей задачей уничтожить его действие, для того, чтобы раскрыть его значение» [2, с. 324].

Выготский не конкретизирует, как именно должна «работать» критика с произведением, чтобы своим толкованием не уничтожить читательские чувства и эмоции, однако главные идеи ученого понятны из контекста его работ. Его рассуждения о процессе творчества позволяют сделать определенные заключения и о процессе восприятия, которому может помочь критик (как вариант – «воспитатель»): «Обучить творческому акту искусства нельзя; но это вовсе не значит, что нельзя воспитателю содействовать его образованию и появлению. Через сознание мы проникаем в бессознательное, и кто не знает, что всякий акт искусства непременно включает как свое обязательное условие предшествующие ему акты рационального познания, понимания, узнавания, ассоциации и т.п.» [2, с. 327].

Подобные суждения близки представлению Выготского и о роли исследователя художественного творчества. Его задачи, очевидно, сближаются здесь с задачами критика. «Заразительность» искусства, – пишет он, пользуясь определением Л.Н. Толстого, основана не на простой передаче чувств от одного к другому…Стихи о грусти ставят нас над грустью, побеждают ее, преодолевают, разрешают. Как они достигают этого, какими психологическими средствами, – в этом и заключается то Х, то собственное имя искусства, та искомая величина, с которой должно начинаться исследование» [6, с. 49].

В русской литературной критике: философской (Ап. Григорьев, В. Соловьев, В. Розанов, др.), эстетической (А. Дружинин, В. Боткин, П. Анненков), иногда публицистической, – нередко предпринимались попытки, направленные на объяснение тайны художественного творчества. Предмет авторского изображения мог быть далек от повседневной, общественной или социальной жизни, особенно если речь шла о поэзии; однако критика понимала исключительное влияние на читателя творчества хорошего поэта, прозаика, который пишет о любви, природе, общечеловеческих вопросах. Так, В.П. Бот-

кин в статье о стихотворениях А. Фета говорит о подобном действии искусства: «…если оно, волнуя или трогая наши сердца, приносит нам духовные наслаждения, – то тем самым, именно фактическою действительностью производимых им ощущений, входит оно в практику нашей жизни, становится действующим ее элементом и часто оказывает несравненно большее и глубочайшее практическое действие, нежели тысячи явлений, по привычке называемых практическими» [7, с. 195]. Этот эффект воздействия произведения искусства может быть усилен критикой (научным исследованием), если они способны «вскрыть тот психологический закон» [2, с. 17], который положен в основу текста, определить «механизм» [2, с. 17], через который он действует. По сути, Выготский рассматривает такой психологический механизм как явление эстетическое и соответственно анализ его – как эстетический анализ. Комментируя идею и метод Выготского, А.Н. Леонтьев пишет: «Его замысел состоял в том, чтобы, анализируя особенности структуры художественного произведения, воссоздать структуру той реакции, той внутренней деятельности, которую оно вызывает» [8, с. 7].

В работах самого Выготского, посвященных анализу конкретных произведений, предпринимается замечательная по уровню своего выполнения попытка постичь тайну искусства сквозь призму «провоцируемой» им читательской реакции. Опыт Л.С. Выготского оказывается в этом плане уникальной научной методологией, еще не до конца освоенной современной гуманитарной наукой.

Литература

1. *Лакшин, В.Я.* Критика литературная / В.Я. Лакшин // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 169.

2. *Выготский, Л.С.* Психология искусства. Комментарий Л.С. Выготского, Вяч. Вс. Иванова / Л.С. Выгодский. – М., 1968.

3. *Белинский, В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года / В.Г. Белинский // Собр. соч.: в 9 т. – М., 1982. – Т. 8.

4. *Белинский, В.Г.* Письмо к Н.В. Гоголю / В.Г. Белинский // Собр. соч.: в 9 т. – М., 1982. – Т. 8.

5. *Писарев, Д. И.* Пушкин и Белинский / Д.И. Писарев // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1956. – Т. 3.

6. Словарь Л.С. Выготского. – М., 2007.

7. *Боткин, В.П.* Стихотворения А.А. Фета. Санкт-Петербург. 1856 / В.П. Боткин // Литературная критика. Публицистика. Письма. – М., 1984.

8. *Леонтьев, А.Н.* Вступительная статья к книге: Л.С. Выготский. Психология искусства. – М., 1968.

УДК 811.161.1

Е.В. Грудева

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ OPER 1 И OPER 2: ЧАСТОТА ВСТРЕЧАЕМОСТИ И СТЕПЕНЬ РАЗНООБРАЗИЯ (на материале русского языка)

Появление больших лингвистически аннотированных языковых корпусов предоставляет широкие возможности для изучения частотных характеристик различных языковых феноменов. В теории лексических функций проблема вероятности встречаемости синонимичных средств выражения определенного смысла от заданного слова обычно не ставится. В статье на примере лексических функций OPER 1 и OPER 2 предлагается комплексный подход к изучению этой проблемы.

Теория лексических функций, лексические функции OPER 1 и OPER 2, корпус, эксперимент, частота встречаемости.

Large linguistic annotated language corpora being available now provide great opportunities for studying the frequency of various language phenomena. The theory of lexical functions doesn't consider the dependence of frequency of similar means of expression of a definite sense on a given word. The article suggests an integrated approach to the study of the problem based on lexical functions OPER 1 и OPER 2.

The theory of lexical functions, lexical functions OPER 1 and OPER 2, corpora, experiment, frequency.

В системе лексических функций, разработанной в рамках модели «Смысл – Текст», в области стандартных синтагматических функций для описания квазизалоговых отношений выделено семейство глагольных функций. Общее определение, которое было предложено глагольным синтагматическим функциям авторами концепции «Смысл – Текст», гласит, что эти лексические функции «суть глаголы, оказывающиеся семантически пустыми (или, по крайней мере, «опустошенными») в контексте своего ключевого слова. Они служат для присоединения на глубинно-синтаксическом уровне (названий) ГСинтактантов – участников ситуации L – к имени самой ситуации, т.е. к L, и могут быть условно названы полувспомогательными глаголами; иногда их называют также «легкими» или «опорными» глаголами. Их ключевое слово – это абстрактное существительное, представляющее собой по смыслу предикат (в логическом понимании) и вследствие этого обладающее Сем(антическими) актантами» [4, с. 266].

Среди глагольных синтагматических функций особое место занимают лексические функции OPER 1 и OPER 2. По мысли Ю.Д. Апресяна, семантическая и синтаксическая оппозиция этих функций является